

Слева
направо:
епископ
Волоколамский
Феодор
(Поздеевский),
иеромонах
Герасим
(Садковский),
архимандрит
Герман
(Ряшенцев)
Фотография
1916 г.

From left to
right: Theodore
(Pozdeyevsky),
Bishop of
Volokolamsk,
hieromonk
Gerasim
(Sadkovsky),
Archimandrite
Herman
(Ryashentsev).
Photo of 1916

Несокрушимые духом

Судьбы насельников московского Данилова монастыря

Галина ЗЕЛЕНСКАЯ

В 700-летней истории первого монастыря Москвы, основанного в конце XIII века святым благоверным князем Даниилом, был период духовного расцвета, совпавший со временем богоборчества, гонения на Церковь и разрушения основ православной жизни. «Первый монастырь на Москве» в годы сталинского террора был закрыт одним из последних — в 1930 году. К этому времени давно подверглись разорению такие духовные центры России, как Оптина, Зосимова и Серафимо-Саровская пустыни, Троице-Сергиева Лавра

с ее скитами и другие знаменитые обители. И вот, в условиях, когда на месте многих поруганных святынь царил «мерзость, запустения», именно в Даниловом монастыре горел благодатный огонь пастырского служения миру.

Накануне революции Данилов ничем не выделялся среди множества других монастырей. Москвичи любили эту древнюю обитель, где покоились святые мощи князя Даниила — покровителя Москвы, где был обширный некрополь с дорогими

Фотографии из церковно-исторического музея московского Свято-Данилова монастыря.

Photos from the Museum of the History of the Church at the Monastery of St. Daniel

Архимандрит Серафим (Климков). Фотография сер. 1920-х гг.

Archimandrite Seraphim (Klimkov). Photo of the mid-1920s

русскому сердцу могилами Н. В. Гоголя, Н. М. Языкова, Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова. Чудотворные иконы, замечательный звон 17 колоколов, подбор которых был одним из лучших в Москве, атмосфера молитвенной сосредоточенности, покоя и простоты, — все это привлекало в Данилов и богомольцев, и любителей той старины, что не хранит богатств земных, но стяжает сокровища небесные.

Согласно послужному списку монашествующих за 1910 год, в Даниловой обители было 22 инока, из них 17 происходили из крестьян, 5 — из мещан и духовенства¹. В графе «где и чему обучался» названы церковноприходские школы, духовные и земские училища, но преобладает запись «обучался чтению и письму дома».

В 1914 году настоятелем обители стал монастырский ризничий архимандрит Иоаким (в миру Иван Хромов). Как и большинство даниловцев, он происходил из крестьян и образование имел домашнее. В церковных кругах архимандрит Иоаким был известен как щедрый жертвователь, состоявший членом нескольких благотворительных обществ. Вскоре после революции он был убит грабителями на своей даче в Икше, где жил на покое.

В мае 1917 года отца Иоакима на должности настоятеля сменил бывший ректор Московской Духовной академии епископ (впоследствии — архиепископ) Феодор.

Архиепископ Феодор (в миру Алек-

сандр Поздеевский) родился в 1876 году. По окончании Костромской Духовной семинарии учился в Казанской Духовной академии, где в 1900 году принял монашество. В том же году окончил академию, был оставлен при ней в звании профессорского стипендиата и вскоре утвержден в степени магистра богословия². В 1904 году отец Феодор был определен на должность ректора Тамбовской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита, а в 1909 году назначен ректором Московской Духовной академии и рукоположен во епископа Волоколамского, викария Московской епархии.

В академии владыка Феодор преподавал пастырское богословие. Он считал, что для пастыря, духовного руководителя народа, необходим опыт личного аскетизма, проверенный опытом христианских подвижников. «Как может врач, не знающий законов развития жизни человека и его телесного организма, правильно поставить диагноз болезни и определить систему лечения? — говорил епископ Феодор. — Как может пастырь, духовный врач, оказывать помощь, если он ни в личном опыте жизни (аскетизм), ни чрез изучение опыта других (аскетика) не уяснит себе духовного делания и законов духовной жизни?»³ Сам епископ Феодор вел строго аскетическую жизнь. «Если владыке нужно выпить стакан воды, — говорили о нем даниловцы, — он выпьет половину. И так во всем»⁴.

С назначением владыки Феодора настоятелем Данилова обители преобразилась. Вместе с ним в монастырь пришли выпускники и студенты Духовной академии. Это были лучшие ученики епископа, разделявшие его аскетическое направление и его бескомпромиссное отношение к идеям реформирования церковной жизни. «В области церковной жизни, — говорил владыка, — может и должна быть одна главная реформа: покаяние и молитва, а все остальное, тоже, конечно, полезное, пойдет из этой благодатной реформы духа»⁵.

Огромный авторитет владыки Феодора способствовал тому, что число насельников Даниловой обители возросло почти втрое. Когда в России стали закрываться храмы и монастыри, Данилова обитель приютила многих иноков из Московской и других епархий. Архиереи Русской Церкви, ценившие епископа Феодора как строгого ревнителя православия, часто служили в Даниловом монастыре, подолгу жили в нем или поблизости. К лету 1917 года вместить всех богомольцев мог только Троицкий собор, куда и принесли мощи святого князя Даниила, находившиеся прежде в храме Святых Отцов Семи Вселенских Соборов. Торжественный акт этот был совершен 12 сентября.

Возглавлял шествие митрополит Московский и Коломенский Тихон, будущий патриарх, свято чтивший память благоверного князя Даниила.

В 1918 году в Даниловом монастыре была открыта Высшая богословская школа. Преподавать в ней владыка Феодор, сам читавший курс аскетики, пригласил близких себе по духу ученых, в том числе священника отца Павла Флоренского.

«Дорогой о. Павел! — писал епископ Феодор в сентябре 1918 года. — Пишу Вам пока секретно, но прошу ответа определенного. Мысль об открытии Высшей Богословской Школы, имеющей специальные задачи: «разработка Богословия на строго церковном святоотеческом принципе с подготовкой пастырей» принята Святейшим Патриархом и благословлена (...) Мы уже добились регистрации этой школы у Совдепа; занятия пока у меня в Даниловом монастыре. (...) Согласны ли Вы читать философию?»⁶

«Дорогой и Глубокочтимый Владыко! — отвечал отец Павел. — Разумеется, с Вами я согласен делать что угодно и где угодно». Далее Флоренский излагал свои взгляды на преподавание, основной задачей которого считал «очищение ума от ложных предпосылок и догматов современности, от ложной науки и ложной философии, чтобы чистым оком ума учащиеся научились взирать на область духовную, благодатью открываемую... Не столь нужно научить системе того или иного философа, как выпрямить самые понятия и тем облегчить путь... грядущему в душу Христу»⁷. Несомненно, эти взгляды отца Павла разделял и владыка Феодор.

Богословская школа существовала в Даниловом монастыре несколько лет. В августе 1920 года отец Павел Флоренский писал о ней как об академии аскетического направления. Однако вскоре владыка Феодор был арестован. Без его руководства школа долго работать не могла, но для многих монашествующих и мирян высшей духовной школой стала сама Данилова обитель, внутренняя жизнь которой была устроена по строгим правилам монашеского общежития.

...Большой известностью в двадцатые годы пользовался насельник монастыря архимандрит Георгий (Лавров), постриженник Оптиной пустыни, бывший игумен мещевского Георгиевского монастыря, взятый на поруки владыкой Феодором из Таганской тюрьмы. У отца Георгия, которому тогда было уже за шестьдесят, окормлялись в основном образованные люди, представители творческих профессий: художники, скульпторы, актеры, врачи, геологи, инженеры. Его простота вмещала в себя и мудрость, и крепкую волю, а главное, удивительную мягкость, тер-

Архимандрит
Георгий
(Лавров).
Фотография 2-й
пол. 1920-х гг.

Archimandrite
Georgy
(Lavrov). Photo
of the second
half of the
1920s

пимость, широту воззрений и безграничную любовь. Эти качества привлекали к нему и подростков, часто после случайного знакомства и нескольких бесед становившихся его духовными детьми. Позже, когда отец Георгий был сослан в Казахстан, духовные дети последовали за ним. Они были рядом до последнего часа отца Георгия, умершего в 1932 году в Нижнем Новгороде на пути из ссылки⁸.

Добрую память оставил о себе и принадлежавший к старшему поколению даниловцев архимандрит Кассиан (в схиме Константин). Постриженник Троице-Сергиевой Лавры, он был перемещен в 1905 году в Данилов монастырь, где занимал должности благочинного и казначея. При владыке Феодоре архимандрит Кассиан нес послушание братского духовника, был любим и почитаем всеми как молитвенник, обладавший даром прозорливости. Из мирян у него исповедовались по преимуществу старушки, помнившие старый Данилов и сохранившие духовное общение с его насельниками.

Наряду с богомудрыми старцами послушание духовничества несли в Даниловой обители и молодые монахи, ученики и сподвижники владыки Феодора. Поскольку сам настоятель находился то в тюрьме, то в ссылке, обителью управляли назначаемые им из числа братии наместники. В 1920—1927 годах наместником был один из лучших учеников владыки Феодора архимандрит Поликарп (Соловьев).

«Это была святая личность, — вспоминает о нем бывший даниловский послушник, а ныне духовник московского Донского монастыря иеромонах Даниил (Сарычев). — Кротость — необыкновенная, незлобие, доброта и абсолютный такт. Он никогда никому вслух замечаний не делал. Заметит оплошность, подзовет человека и кротко с ним поговорит. И человек исправляется»⁹.

Среди других монахов отец Поликарп выделялся молчаливостью, сосредоточенностью, погруженностью в себя. На монастырском дворе его можно было увидеть лишь идущим в храм или из храма. Шел он всегда быстро, потупив взор. Складывалось впечатление, что он постоянно молился про себя.

Отец Поликарп обладал даром духовничества. Проповеди отца Поликарпа были просты и проникновенны. «Если мы хотим оправдаться перед Богом, — говорил он в Неделю мытаря и фарисея, — мы должны идти не по пути перечисления своих добродетелей, а по пути очищения себя от грехов. Для этого необходимы: глубокое сознание своей греховности, горячее желание освободиться от греха и, конечно, Божия помощь. Путь к нашему оправданию лежит через исповедь и причастие. Святым Христовых Таин. Самооправдания и самоочищения нет и не может быть. Без Бога не до порога»¹⁰.

Будучи наместником, отец Поликарп ввел обычай по воскресным и праздничным дням после поздней обедни предлагать трапезу нуждающимся богомольцам. Обычно обедало до полусотни человек. Трапеза состояла из монастырской похлебки (постный суп или щи) с ржаным хлебом и каши. Приготовлено было помонастырски просто и очень вкусно. Этот обычай сохранился вплоть до закрытия обители.

Духовные дарования отца Поликарпа сочетались с блестящей образованностью и истинно монашеским смирением. Однажды владыка Феодор в богословском разговоре процитировал кого-то из святых отцов. Он не помнил, чьи это слова, и обратился к отцу Поликарпу: «А ты, авва, не помнишь?» Отец Поликарп тут же назвал автора, издание и даже страницу, где было напечатано процитированное изречение. Последний случай произошел в то время, когда Данилов монастырь был уже закрыт. Богословская беседа велась во Владимире, куда владыка Феодор и отец Поликарп приехали навестить своего бывшего собрата по обители архимандрита Симеона.

Отец Симеон поселился в Даниловом монастыре одновременно с владыкой Феодором. Прихожане сразу заметили нового насельника, которого возили на инвалидной коляске два келейника. Во время

богослужений отец Симеон пел на клиросе прекрасным баритональным басом. Ноты, переписанные его изящным бисерным почерком, выглядели лучше печатных. Вскоре у отца Симеона появились духовные чада — в основном из семей интеллигентов. Многих направлял к отцу Симеону сам владыка Феодор.

В монастыре все знали о давней духовной дружбе настоятеля с отцом Симеоном. Знали также его недуг — результат ранения во время революции 1905 года. Но очень немногим был известен в подробностях трагический случай, который навсегда приковал отца Симеона к инвалидному креслу и соединил его судьбу с судьбой владыки Феодора.

Отец Симеон (в миру Михаил Холмогоров) окончил, как и владыка Феодор, Казанскую Духовную академию. Высокий, широкоплечий, общительный юноша был преуспевшим певцом и танцором, но сердце его чувствовало призвание к монашеству. Будучи еще студентом академии, он принял иноческий постриг.

Революция 1905 года застала отца Симеона преподавателем Тамбовской Духовной семинарии, ректором которой был архимандрит Феодор, будущий епископ. Бунтарские настроения, распространившиеся в миру, проникли и в стены духовных школ. Тамбовские семинаристы устроили покушение на своего строгого, взыскательного ректора. Когда раздался выстрел, отец Симеон находился рядом с отцом Феодором и успел заслонить его собой. Пуля попала в поясной позвонок, и нижняя часть тела отца Симеона осталась парализованной.

С тех пор владыка Феодор не оставлял своего спасителя. До 1915 года отец Симеон жил в Спасо-Елеазаровой пустыни близ Пскова у своего духовного отца, старца Гавриила (Зырянова), о котором написал прекрасную книгу¹¹. После смерти старца отец Симеон поселился с владыкой Феодором в Сергиевом Посаде, а затем — в Даниловом монастыре.

В келье, где он лежал, полуприкрытый одеялом, лицом к кийоте с иконами, часто бывали его духовные дети и другие посетители. Отец Симеон всех встречал очень приветливо, хотя часто испытывал мучительнейшие боли.

Исповеди он обычно начинал с того, что, прочитав молитвы, перечислял грехи, в которых провинился перед своими чадами как духовник. Потом задавал вопросы и ставил их так, что исповедник открывал в себе множество незамеченных грехов. Например, отец Симеон никогда не спрашивал: «Не оклеветали ли Вы кого-нибудь?» Но спрашивал: «Не обидели ли кого-нибудь хотя бы выражением своего лица?» Не спрашивал: «Не лгали ли?» А ставил вопрос так: «Не прибавили ли,

когда говорили, или в свою пользу, или чтобы было интереснее?» Если исповедник болел, отец Симеон не спрашивал: «Нероптали ли на Бога?» Но: «Вы были больны? А Бога благодарили?» Подобными вопросами он приучал своих чад замечать в себе мелкие грехи и тонкие страсти, которые чаще совершаются и труднее искореняются, чем большие грехи и грубые страсти.

Отец Симеон не терпел елейности и пресекал разговоры о чудесах. Скромность и простота его могли сравниться только с его долготерпением. Он не любил говорить о своей болезни и никогда не жаловался. Только однажды сказал своему последнему келейнику, девятнадцатилетнему Мише Карелину: «Ты знаешь, если бутылку взять и мелко натолочь, а потом стекло за кожу положить — вот какая у меня боль».

Отцу Симеону было суждено пронести мученический крест до последних дней земной жизни. После 1930 года он жил во Владимире и Киржаче, где его навещал владыка Феодор и другие даниловцы. Вместе с ним жил и Миша Карелин. Однажды, придя домой, он застал сотрудников НКВД, производивших обыск. «Они все перевернули, — рассказывал спустя годы Михаил Петрович, — и на батюшке лица нет, лежит расстроенный, взволнованный. Подали карету, запряженную лошадкой, и всех нас — батюшку, меня, келейницу монахиню Серафиму — увезли в тюрьму. Нас с батюшкой посадили в одну камеру. Суток не прошло, как открылась дверь и ключарь сказал, чтобы я собирался с вещами. Я говорю: «Что, на прогулку?» А он отвечает, что я сюда больше не вернусь. Я должен был оставить батюшку одного, беспомощ-

Слева направо:
иеромонах
Николай,
архимандрит
Симеон
(Холмогоров),
иеродиакон
Анания

From left to
right: hieromonk
Nicholas,
Archimandrite
Simeon
(Kholmogorov),
Archdeacon
Ananias

ного! Я поклонился ему в ножки, говорю: «Простите, батюшка, благословите». Батюшка вымолвил последние слова: «Ну вот, теперь мы больше не увидимся. Я здесь умру, а ты еще вернешься, ты еще многое увидишь»¹². Эти последние, пророческие слова отца Симеона исполнились.

Мишу Карелина также увезли в Ивановскую тюрьму, держали под следствием шесть месяцев, затем этапировали в Колыму, там он пробыл 16 лет. Вышел из колымских лагерей Михаил Петрович с навсегда подорванным здоровьем, но с несокрушимой силой духа, которую трудно было ожидать при его мягком и даже застенчивом характере. Прощальные слова отца Симеона сбылись в полной мере: сам он умер в 1937 году в тюрьме, а Михаил Петрович дождался до возрождения Данилова монастыря. Задолго до этого Карелин принял иноческий постриг с именем Михаил. По возвращении из ссылки жизнь его была согрета духовным общением с другим замечательным даниловцем — архимандритом Серафимом.

Отец Серафим (в миру Григорий Климов) принял монашеский постриг в Даниловой обители по благословлению старца Зосимовой пустыни схииеромонаха Алексия в 1920 году. Было ему тогда 27 лет. До этого он с 1913 по 1917 год учился в Московской Духовной академии, а затем принял священнический сан с обетом безбрачия и некоторое время служил в московском храме во имя Девяти мучеников. Его духовником в Даниловом монастыре стал отец Поликарп.

Вскоре отец Серафим получил послушание исповедовать детей, а затем и взрослых. Несмотря на молодость инока, многие искали его духовного водительства. Поток исповедников к нему был столь большим, что приходилось выслушивать их до глубокой ночи. Отец Серафим уходил из храма под утро, унося с собой груды листов и тетрадей с письменными исповедями. Он приучал своих духовных детей не просто перечислять грехи, а размышлять над их причиной, анализировать свои поступки и помыслы.

В 1927 году отца Серафима арестовали и сослали на Север сроком на пять лет. Когда он вернулся, Данилов монастырь был уже закрыт. Тогда отец Серафим поселился под Москвой, без права открытого служения. В 1945 году он снова был арестован и сослан на десять лет в сибирские лагеря.

Страшные условия жизни отец Серафим переносил с кротостью и смиренностью. На тяготы быта и непосильную работу он смотрел, как на послушание. «В обители я не проходил новоначального труда послушника, так Господь здесь дал испытать», — говорил он¹³. Однажды

в лагере в праздник Рождества Христова заключенных запрягли по десять человек в сани возить бревна. Это было невыносимо тяжело, но отец Серафим пел про себя тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш», и это поддерживало его силы. Часто отца Серафима спрашивали, почему он всегда всем доволен. «Потому что я Богу молюсь», — отвечал он.

В 1955 году отца Серафима освободили из лагеря, ехать ему было некуда, да и денег не было, и он устроился в колхозе сторожем. Постепенно наладилась переписка с духовными чадами, жившими в Москве. Они звали духовника к себе, но ему в московской прописке было отказано. Тогда для отца Серафима наступил период скитаний. Не имея постоянного пристанища, оберегая покой и безопасность своих духовных чад и друзей, он не оставался долго ни у кого из них. Одной из своих духовных дочерей, бывшей в подобном положении, он говорил: «Надо считать себя за нищего, разрешат переночевать — благодари, а нет — смирайся, не надо выставлять своих заслуг и прав на что-то!»¹⁴

После возвращения из ссылки отец Серафим очень остро переживал невозможность открытого служения в храме. И вот во сне ему явился владыка Феодор, который сказал: «Прими схиму. Твой путь — духовничество и старчество, а не открытое служение». Отец Серафим принял схиму с именем Даниил, в честь святого благоверного князя Даниила, небесного покровителя всех даниловцев. С этого времени он перестал желать чего-либо для себя.

Незадолго до кончины схииархимандрита Даниила попросили рассказать о своем духовном пути. «Не знаю, что и сказать», — ответил он. — Да и можно ли мне верить, когда, не освободившись от страсти самолюбия и желания изумлять собою, могу сильно приукрасить себя! Не искушайте же меня человеческой славой, чтобы мне не прогневать Бога!»¹⁵

Схииархимандрит Даниил скончался в 1970 году. Он почти на двадцать лет пережил владыку Феодора, тоже принявшего схиму с именем Даниил и никогда молитвенно не оставлявшего своих даниловцев.

Самоотверженный труд на ниве Христовой братии Данилова монастыря в 1920-х годах не был напрасным. Хотя обитель была закрыта и разорена, духовная жизнь ее продолжалась в сердцах тысяч людей, хранивших даниловский дух мира, любви к ближнему, верности Русской Православной Церкви. И должно быть, по вере этих чистых сердец совершилось чудо. Первый монастырь Москвы стал первым монастырем из тех, что возрождены в наши дни для духовной жизни.

Примечания

- ¹ ЦНИАМ, ф. 203, оп. 763, л. 1—12.
- ² Магистерской диссертацией иеромонаха Феодора было сочинение «Аскетические воззрения преподобного Иоанна Кассиана Римлянина (пресвитера Массилийского)». Казань, 1902.
- ³ Архиепископ Феодор. Смысл христианского подвига. Из чтений по Пастырскому Богословию. Репринтное воспроизведение издания 1911. М., 1991. С. 51.
- ⁴ Там же. С. 52.
- ⁵ Епископ Феодор. К академическому новолетию // Богословский вестник. 1915. Окт. С. 7.
- ⁶ Игумен Андроник. Священник Павел Флоренский — профессор МДА // Богословские труды. М., 1986. С. 240—241.
- ⁷ Там же. С. 241.
- ⁸ Воспоминания Е. В. Чичериной об архимандрите Георгии (Лаврове). Машинопись.
- ⁹ Макаров М. И. Даниловцы. Машинопись.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: Архимандрит Симеон. Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазаровой пустыни. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1964.
- ¹² Цит. по записи беседы с монахом Михаилом (Карелиным). 1989 г.
- ¹³ Вышеславцева О. Н. Архимандрит Серафим (Климков). Машинопись.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.

Данилов монастырь перед революцией The Monastery of St. Daniel before the Revolution